

(веб-поиск, онлайн-торговля, развлечения и пр.). В ключевых секторах экономики (нефтегазодобыча, сельское хозяйство и пр.) платформизация идет медленно и нуждается в поддержке со стороны государства.

Особо следует указать на несколько проблемных моментов, ограничивающих развитие платформенных компаний в России, на устранение которых направлена государственная политика по расширению платформенного бизнеса:

- правовое регулирование деятельности платформенных компаний;
- конкуренция с зарубежными платформенными компаниями на внутренних рынках и на глобальном уровне;
- ограниченное число сфер, где развиваются платформенные компании, и отсутствие выраженной поддержки роста платформенного бизнеса со стороны государства;
- риски установления монополий со стороны крупных платформенных компаний.

6.4. Участие многонациональных компаний в российской экономике и направления политики регулирования иностранных инвестиций¹

Охлаждение интереса иностранных компаний к российской экономике в 2010-х годах сопровождалось довольно настороженными действиями уже вошедших на российский рынок иностранных инвесторов. Причины инертности иностранных компаний в России обусловлены не только общим замедлением темпов экономического роста, но и отсутствием успехов в либерализации регулирования прямых иностранных инвестиций. Для того, чтобы вновь разогреть инвестиционную активность в российской экономике необходим пересмотр инвестполитики, в том числе переход к единой недискриминирующей политике по отношению к иностранным и российским инвесторам, сочетание политики, ориентированной на поддержку средних по размеру проектов с политикой, направленной на поддержку инвестиций в стратегически приоритетные сектора, в том числе динамично растущие отрасли, отрасли с коротким циклом.

Многонациональные компании (МНК) являются источниками не только финансовых ресурсов, но и технологий, управленческих ноу-хау, обеспечивая включение национальных экономик в глобальные цепочки создания стоимости². Традиционно на участие многонациональных компаний в принимающих

1 Авторы раздела: *Симачев Ю.В.*, канд. техн. наук, директор по экономической политике, директор Центра исследований структурной политики НИУ ВШЭ; *Федюнина А.А.*, канд. экон. наук, вед. науч. сотр. Центра исследований структурной политики НИУ ВШЭ; *Кузык М.Г.*, канд. экон. наук, заместитель директора Центра исследований структурной политики НИУ ВШЭ.

2 World Bank Group; IDE-JETRO; OECD; UIBE; World Trade Organization, 2017; Global Value Chain Development Report 2017: Measuring and Analyzing the Impact of GVCs on Economic Development. Washington, DC; World Bank; *Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г., Данильцев А.В., Глазатова М.К., Аверьянова Ю.В.* Россия в глобальном производстве // XXI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. 1–147; World Investment report 2013. Global Value Chains: Investment and Trade for Development. UN, 2013.

экономиках принято оценивать через объемы притоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Преимущество такого подхода заключается, прежде всего, в том, что эти данные наиболее доступны и хорошо верифицируемы. Недостаток подхода заключается в том, что данные о ПИИ не позволяют отражать масштабы экономической деятельности компании с ПИИ в принимающей экономике¹.

В зарубежной и российской литературе существует достаточно большое число работ, оценивающих внешние эффекты от прямых иностранных инвестиций на деятельность компаний в принимающей экономике на основе микроэкономических данных. Так, в работах найдены негативные эффекты от ПИИ для российских компаний в 1990-х годах², позитивные горизонтальные³; негативные вертикальные⁴, а также нелинейные горизонтальные и вертикальные эффекты⁵. Кроме того, в работах отмечается влияние ПИИ на технологическое обновление российских отраслей обрабатывающей промышленности и расширение российского несырьевого экспорта⁶.

Разнообразие полученных результатов, вероятно, может быть объяснено выводами на основе мета-анализа, который отмечает слабую устойчивость наблюдаемых эффектов, что может быть связано, в частности, с «публикационным смещением» – ожиданиями рецензентов журналов и стремлением авторов следовать предыдущим результатам⁷. Это позволяет предполагать,

- 1 Объемы привлеченных из-за рубежа инвестиций также отражают лишь часть общего привлеченного капитала в основные фонды, что не позволяет измерять реальный вклад компаний с иностранным капиталом в принимающую экономику. Использование информации о вкладе ПИИ в валовые инвестиции по отраслям, как правило, не позволяет аппроксимировать оценку вклада компаний с иностранной собственностью в этих же отраслях.
- 2 Sabirianova K., Svejnar J., Terrell K. Distance to the efficiency frontier and foreign direct investment spillovers // Journal of the European Economic Association, 3(2–3), p. 576–586. 2005.
- 3 Кадочников С.М., Федюнина А.А. Влияние компаний с иностранными инвестициями на экспортную активность российских фирм в 2014–2016 гг.: размер имеет значение // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 96–119; Fedorova E., Korkmazova B., Muratov M. Spillover effects of the Russian economy: Regional specificity. Economy of region, 1(1), 139–149. 2016; Yudaeva K., Kozlov K., Melentjeva, N., Ponomareva N. Does foreign ownership matter? The Russian experience // Economic soft transition, 11(3), 383–409. 2003.
- 4 Драпкин И.М., Лукьянов С.А. Внешние эффекты от прямых иностранных инвестиций в российской экономике: результаты эмпирического анализа // Вопросы экономики, (2), 97–113. 2019; Yudaeva K., Kozlov K., Melentjeva N., Ponomareva N. Does foreign ownership matter? // The Russian experience. Economic soft transition, 11(3), 383–409. 2003.
- 5 Драпкин И.М., Лукьянов С.А. Внешние эффекты от прямых иностранных инвестиций в российской экономике: результаты эмпирического анализа // Вопросы экономики, (2), 97–113. 2019.
- 6 Федюнина А.А., Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Аверьянова Ю.В. Секторальные особенности интеграции российской экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости и следствия для структурной политики. Журнал новой экономической ассоциации, 47 (3), 106127. 2020; Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г., Данильцев А.В., Глазатова М.К., Аверьянова Ю.В. Россия в глобальном производстве // XXI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 1–147. 2020.
- 7 Demena B.A., and P.A.G. Van Bergeijk. A meta-analysis of FDI and productivity spillovers in developing countries // Journal of Economic Surveys, 31(2): 2017, 546–571; Smeets R., & de Vaal, A. Intellectual property rights and the productivity effects of MNE affiliates on host-country firms // International Business Review, 25. 2016, 419–434; Meyer K., & Sinani E. When and where does foreign direct investment generate positive spillovers? A meta-analysis. // Journal of International Business Studies, 40, 2009. 1075–1094; Havranek T., & Irsova Z. Estimating vertical spillovers from FDI: Why results vary and what the true effect is // Journal of International Economics, 85(2), 2011. 234–244; Irsova Z., & Havranek T. Determinants of horizontal spillovers from FDI: Evidence from a large meta-analysis // World Development, 42, 2013. 1–15.

что эффекты от МНК являются специфическими не только для отрасли и принимающей экономики в целом, но и происходят только при определенном регулировании и определенной «настройке» промышленной политики.

Авторы настоящего раздела не ставят целью обсуждение и уточнение эффектов от многонациональных компаний в российской экономике. Цель настоящего исследования в том, чтобы по-новому посмотреть на роль МНК в российской экономике, оценить взаимные взгляды МНК и государства на регулирование и очертить векторы изменений в государственном регулировании МНК в ответ на глобальные тренды и запросы иностранных компаний. Новизна подхода к анализу участия МНК в российской экономике заключается в том, что вместе с использованием данных о притоках ПИИ мы следуем методологии¹ и используем базу данных AMNE OECD об участии МНК в валовом выпуске и создании добавленной стоимости в национальных экономиках².

6.4.1. Глобальное распределение ПИИ и МНК и позиции России в их привлечении

Потоки прямых иностранных инвестиций в мировой экономике за последние два десятилетия отличались ярко выраженной периодизацией и страновой ориентацией. Так, потоки ПИИ в развитые страны были более волатильны и сильнее зависели от макроэкономической конъюнктуры, чем притоки инвестиций в развивающиеся экономики (*рис. 1*). Особенно отчетливо это проявилось в период 2006–2010 гг. с провалом во время глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Резкое падение притока ПИИ в развитые страны оказалось обусловлено резким снижением числа мега-сделок по слияниям и поглощениям (стоимостью свыше 1 млрд долл.), которые активно совершались в 2000-х годах.

Переходные экономики в целом отличаются наименьшей зависимостью притоков ПИИ от мировой конъюнктуры, но Россия является исключением. В 1995–2002 гг., когда российская экономика находилась в состоянии жесткого трансформационного шока, объем как притока, так и оттока инвестиций был незначительным. В дальнейшем, до кризиса 2008–2009 гг., на фоне высоких темпов роста экономики объем инвестиционных потоков резко возрос (что было связано в первую очередь с привлекательностью для иностранных инвестиций топливно-энергетического комплекса). После кризиса в условиях нестабильных и более низких, чем в докризисный период, темпов роста

1 OECD. Multinational enterprises in the global economy. Heavily debated but hardly measured. OECD Publishing, Paris. 2018.

2 В соответствии с этим подходом, многонациональное предприятие определяется как предприятие, где 50% + 1 акция принадлежат иностранному инвестору. Данные о деятельности многонациональных компаний опираются на экономические транзакции (объемы продаж, добавленную стоимость) и отражают результаты деятельности компаний с иностранными инвестициями независимо от того, оказались они в определенный период времени дополнительно профинансированы иностранным инвестором или нет. Под выпуском МНК в принимающих экономиках понимается валовой выпуск компаний, ответственность которых принадлежит многонациональным компаниям, и которые размещаются за пределами домашней страны базирования МНК.

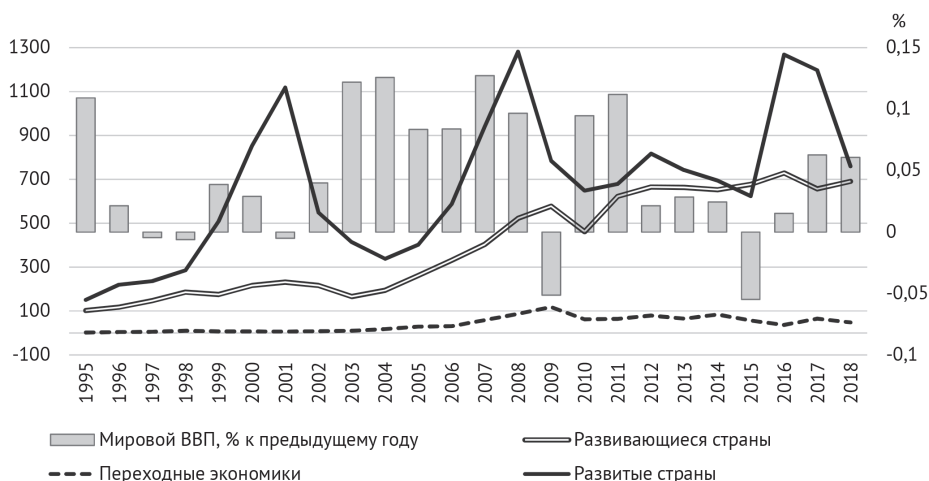

Рис. 1. Приток ПИИ по типам экономик (млрд долл.) и динамика мирового ВВП (правая ось)

Источник: расчеты авторов, данные UNCTAD.

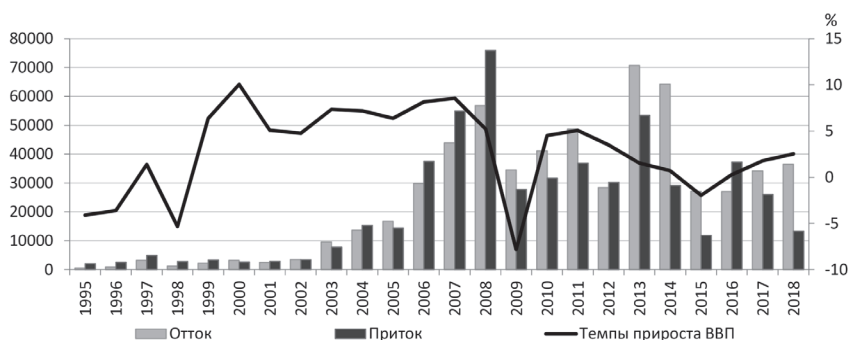

Рис. 2. Динамика ПИИ (млн долл.) и ВВП в России (прирост к предыдущему году, %)

Источник: расчеты авторов, данные UNCTAD, Росстат.

ВВП объемы инвестиционных потоков так и не восстановились и испытывали резкие колебания в зависимости от темпов роста экономики в целом (рис. 2).

Для России характерно преобладание объема исходящих ПИИ над объемом входящих по мере ухудшения динамики темпов экономического роста, что особенно ярко проявилось в периоды сразу после мирового кризиса 2008–2009 гг. Это косвенно указывает на вероятную ориентированность большего объема ПИИ в РФ на потребности внутреннего рынка, потенциал спроса которого сокращался во время замедления экономического роста. При этом усиливалась тенденция к вывозу российского капитала за рубеж, поскольку инвестиционные возможности на внутреннем рынке сокращались. Динамика

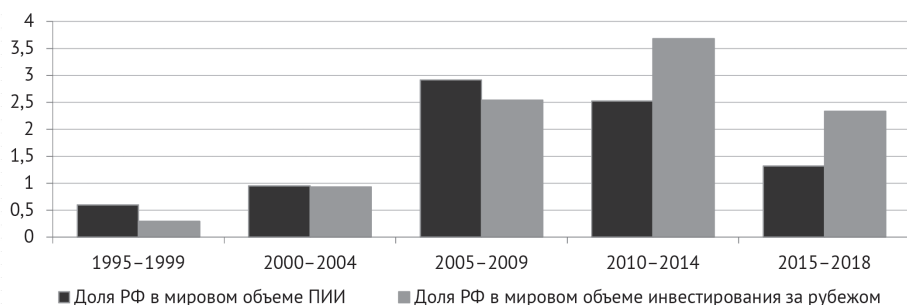

Рис. 3. Доля России в мировых ПИИ, %

Источник: расчеты авторов, данные UNCTAD, Росстат.

притока и оттока ПИИ формировалась, вероятнее всего, не в зависимости от соображений развития международного производства, а под влиянием колебаний инвестиционных потребностей и возможностей внутреннего рынка.

С точки зрения участия России в мировом рынке прямых иностранных инвестиций отметим, что доля России как реципиента ПИИ возрастала до кризиса 2008–2009 гг. и превышала долю России как страны-инвестора на рынке ПИИ. После мирового финансового кризиса ситуация изменилась – приток ПИИ в Россию сократился и значительно уменьшилась доля России в привлечении ПИИ, в то время как объем исходящих инвестиций вырос; это, однако, следует связывать, скорее, с оттоком капитала. Важно, что после 2010–2014 гг. доля России как экспортера капитала в форме ПИИ в мире росла на фоне сокращения как притока ПИИ, так и общего объема инвестиций в основной капитал в стране (*рис. 3*).

По имеющимся оценкам, в 1970-х годах в мире насчитывалось порядка 7 тыс. многонациональных компаний, к 2000 г. их число достигло 38 тыс., к концу 2000-х годов число нефинансовых многонациональных компаний достигло 82 тыс., а их зарубежных подразделений превысило 200 тыс. единиц¹. Несмотря на лавинообразный рост числа многонациональных компаний, МНК по-прежнему вносят довольно скромный вклад в глобальное производство: в 2016 г. в принимающих экономиках производят лишь 11% мирового валового выпуска (*рис. 4*). Рост валового выпуска МНК в 2000–2016 гг. имел свои особенности. В период 2000–2008 гг. наблюдалось расширение выпуска МНК в принимающих экономиках, опережающее национальные производства. Валовый выпуск МНК за эти годы вырос с 7 до 16 трлн долл., а доля МНК в валовом выпуске увеличилась с 11 до 14%. Мировой финансовый кризис значительно повлиял на сокращение выпуска МНК в абсолютном и относительном значении, а также существенно замедлил будущие темпы роста МНК, так что того же уровня выпуска удалось достичь только к 2011–2012 гг., а темпы роста выпуска МНК за 2008–2016 гг. составили только 2%. Для сравнения, глобальных

¹ OECD. Multinational enterprises in the global economy. Heavily debated but hardly measured. OECD Publishing, Paris. 2018.

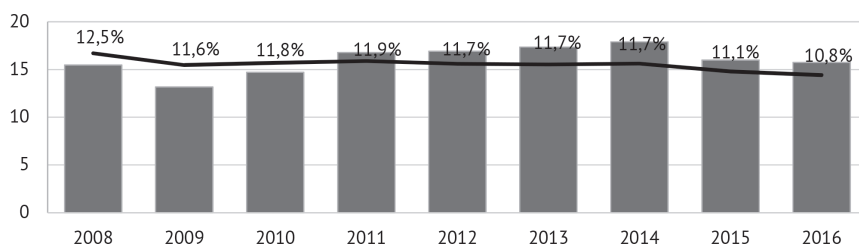

Рис. 4. Вклад МНК в валовой выпуск в принимающих экономиках, 2008–2016 гг., в трлн долл. и % от глобального выпуска

Источник: расчеты авторов, данные OECDAMNE.

выпуск национальных компаний, не являющихся МНК, за тот же период рос значительно быстрее и за 2008–2016 гг. составил 20%.

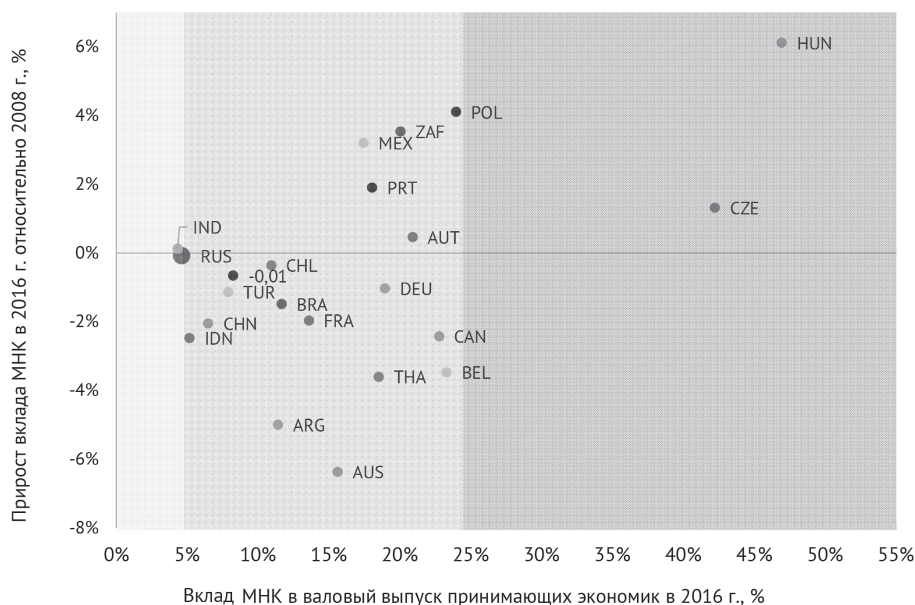
Страны ОЭСР являются основными принимающими экономиками для МНК. В 2016 г. многонациональные компании, вошедшие на рынки стран ОЭСР, произвели около 70% глобального выпуска МНК. Некоторое снижение вклада МНК в странах ОЭСР в валовой выпуск этих компаний с 77 до 70% в 2008–2016 гг. оказался обусловлен перераспределением интереса МНК к странам БРИКС. В начале 2000-х годов на страны БРИКС приходилось менее 10% выпуска МНК в принимающих экономиках, в 2008 г. – 11%, а в 2016 г. – уже 16%.

На общем фоне замедлившихся темпов роста выпуска МНК в мире можно назвать несколько государств, которые стали точками притяжения многонациональных компаний. С позиций концентрации МНК в экономиках существенно выделяются Венгрия и Чехия. Обе экономики активно включены в глобальные цепочки добавленной стоимости и являются своеобразными производственными базами для стран ЕС. По концентрации МНК к Венгрии и Чехии приближается другая постсоветская экономика со схожими во многом структурными особенностями и уровнем экономического и научно-технологического развития – Польша.

Среди других стран, нарастивших вклад МНК в валовое производство, – Мексика, уже долгое время являющаяся страной, обслуживающей ряд рынков Северной Америки; ЮАР – единственная из стран БРИКС с положительным вкладом МНК в валовой выпуск, а также Португалия и Австрия.

Россия и Индия имеют крайне низкую концентрацию МНК (чуть менее 5% по данным 2016 г.) и продемонстрировали практически нулевой прирост вклада МНК в 2008–2016 гг. (рис. 5).

Не рассматривая динамику последних лет, которая в целом была откровенно слабой, отметим, что высокая локализация МНК (сравнительно высокий вклад МНК в валовой выпуск) характерна для средне- и высокотехнологичных отраслей – производство компьютеров, электронных и оптических изделий, производство автотранспортных средств и производство химических веществ и продуктов, включая лекарственные средства. Большинство отраслей обрабатывающей промышленности и сектора услуг попадают

Примечание. Невысокая локализация – до 5%, умеренная локализация – от 5 до 25%, высокая локализация – от 25%.

Рис. 5. Вклад МНК в валовой выпуск принимающих экономик по странам в 2008 и 2016 гг.

Источник: расчеты авторов, данные OECDAMNE.

в категорию умеренной локализации МНК. К отраслям с низкой локализацией МНК в глобальном производстве относятся сельское хозяйство, текстильная промышленность и строительство. Можно выделить только 3 отрасли, которые в глобальном производстве нарастили вклад МНК в 2008–2016 гг.: это производство мебели, компьютеров, электронных и оптических изделий и автотранспортных средств. Все эти отрасли обладают разным уровнем наукоемкости, однако во всех отраслях за последние десятилетия произошло значимое наращивание сложности производственных процессов и удлинение цепочки добавленной стоимости. Наибольшее снижение вклада МНК в валовом выпуске произошло в финансовой и страховой деятельности. Вероятно, это во многом связано с осторожностью инвесторов и последствиями мирового финансово-экономического кризиса.

Даже при относительно слабых структурных изменениях в производстве, вызванных изменением вклада МНК, деятельность многонациональных компаний на территории принимающих экономик значимо меняет уровень добавленной стоимости, что характерно и для развитых, и для развивающихся экономик. Своеобразный горизонтальный сдвиг (постоянный уровень вклада

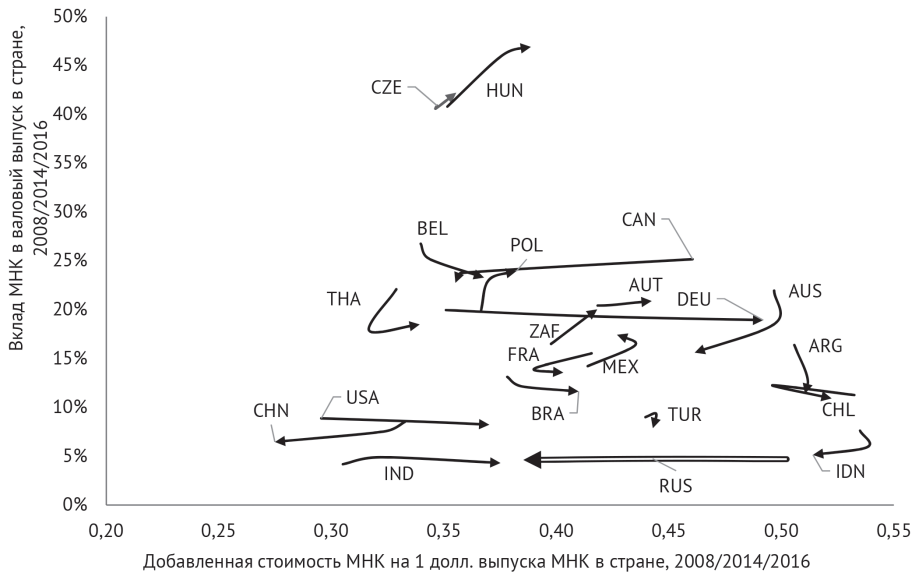

Рис. 6. Участие МНК в принимающих экономиках и удельная добавленная стоимость МНК по странам, 2008–2016 гг.

Источник: расчеты авторов, данные OECDAMNE.

МНК в валовой выпуск и прирост уровня добавленной стоимости) в 2008–2016 гг. оказался характерен для Германии, США, Индии (рис. 6).

В Венгрии, Чехии, Польше, ЮАР и Мексике происходило наращивание вклада МНК, и рост уровня добавленной стоимости, в Китае, России, Канаде и Австралии, сокращение, при этом в Австралии это было связано также и со значимым уменьшением вклада МНК в экономику, а в Канаде – с изменением отраслевой структуры присутствия МНК (сократился вклад МНК в обрабатывающих отраслях, более чем двукратно вырос вклад МНК в сельском хозяйстве). В Китае наблюдаемый эффект связан с вытеснением иностранных МНК и выращиваем собственных компаний с агрессивной стратегией интернационализации, но это не характерно для России. В ряде секторов происходило наращивание вклада МНК в экономику (включая автопром, пищевую и химическую промышленности), однако ни в одном секторе нельзя выделить значимое наращивание уровня добавленной стоимости.

6.4.2. Специфика участия МНК в российской экономике

В 2008–2016 гг. в России наблюдалось сокращение валового выпуска иностранных МНК, размещенных на территории страны и одновременно сокращение выпуска российских МНК за рубежом. С одной стороны, Россия здесь вовсе не исключение. Снижение выпуска входящих и исходящих МНК также оказалось характерно для большинства развитых экономик стран ЕС

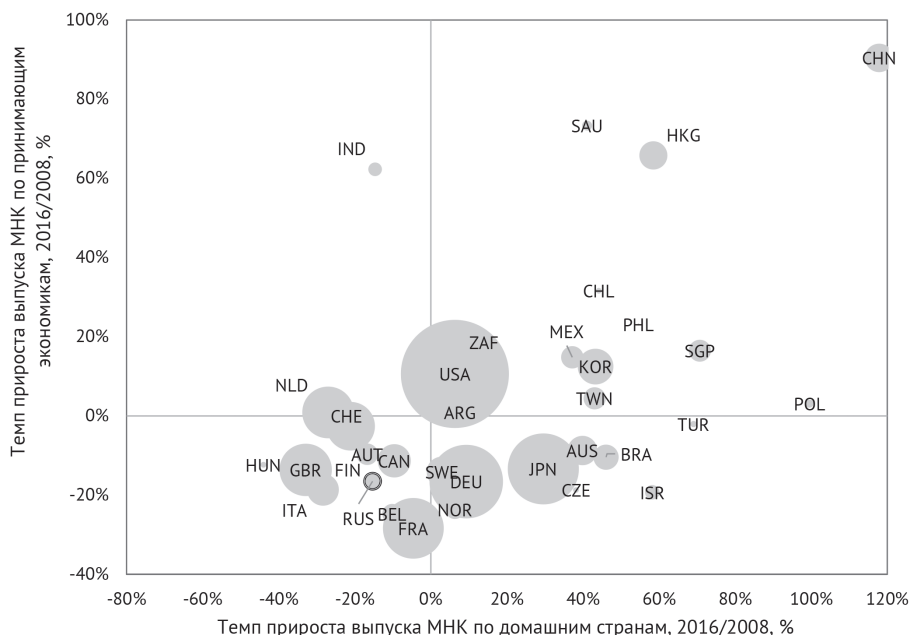

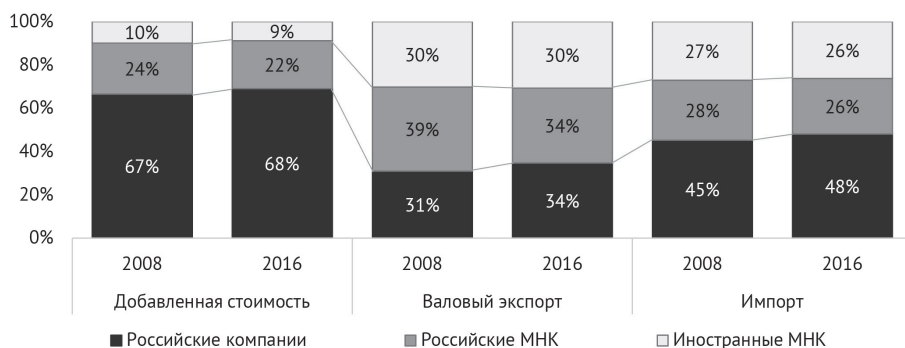
Рис. 7. Изменение объемов выпуска МНК по домашним и принимающим экономикам

Источник: расчеты авторов, данные OECDAMNE.

(включая Францию, Бельгию, Швейцарию, Финляндию, Италию, Венгрию, Австрию, Нидерланды, Великобританию), а также для Канады. С другой стороны, российская экономика – единственная из стран БРИКС, для которой в 2008–2016 гг. произошло сокращение выпуска собственных МНК в мировой экономике (*рис. 7*).

Сокращение выпуска российских МНК за рубежом определено сжатием оборота в секторе операций с недвижимостью (падение за 2008–2016 гг. на 95%), производство компьютеров и электроники (снижение на 93%), производством кокса и нефтепродуктов (на 37%).

Валовое сокращение вклада иностранных МНК в выпуск в российской экономике в 2008–2016 гг. на 2/3 связано со снижением оборота МНК в сфере услуг, в том числе секторе финансовых и страховых услуг (падение оборота МНК за 2008–2016 гг. в номинальных ценах на 45%), в оптовой и розничной торговле (на 15%) в сфере бизнес услуг (на 36%). Еще около 25% общего падения объясняется сокращением выручки МНК в сфере добычи нефти и нефтепереработки (падение выручки на 47%). Большинство отраслей обрабатывающей промышленности не продемонстрировали рост, фактически стагнировали, среди растущих секторов – пищевая промышленность (плюс 28,7% к выручке за 2008–2016 гг.) и автомобилестроение (плюс 29,8%).

Примечание. Учтен импорт только полуфабрикатов.

Рис. 8. Структура валовой добавленной стоимости, валового экспорта и импорта в России по формам собственности компаний, 2008 и 2016 гг.

Источник: расчеты авторов, данные OECDAMNE.

При этом сокращение выпуска МНК, размещенных на территории России, частично оказалось связано с наращиванием вклада российских компаний в экономике в 2008–2016 годах: доля российских компаний в создании валовой добавленной стоимости выросла с 67 до 68%, в валовом экспорте – с 31 до 34%, в импорте полуфабрикатов – с 45 до 48% (*рис. 8*).

Многонациональные компании принято рассматривать как источник технологий, управленческих/организационных лучших практик и знаний, отсюда анализ отраслевой структуры МНК, расположенных на территории России, может дополнять анализ структуры товарного импорта экономики с точки зрения импортозависимости российских отраслей. Отраслевая структура входящих МНК кроме непосредственной импортозависимости отраслей отражает также и интерес иностранных компаний к российской экономике (*рис. 9*).

Прежде всего структура валового выпуска МНК в России иллюстрирует интерес иностранных компаний к российскому топливно-энергетическому сектору, однако введенные санкции в 2014 г. определили частичный выход иностранных компаний из отрасли, в результате доля МНК в секторе в валовом выпуске МНК сократилась с 18,1 до 10,4% в 2008–2016 гг.

Сопоставимые доли в структуре валового товарного импорта и в структуре выпуска МНК в России имеют отрасли традиционного сравнительного преимущества России, которые в целом слабо зависят от импорта – это металлургическое производство, включая производство готовых металлических изделий (5,6% в импорте и 6,0% в валовом выпуске 2016 г.), химическая промышленность, включая производство резиновых и пластмассовых изделий (16,5 и 21,3%), а также производство транспортных средств и оборудования (12,2 и 18,0%) – отрасли, в которой наравне с высокой импортозависимостью внутренние производства во многих подотраслях в рассматриваемый

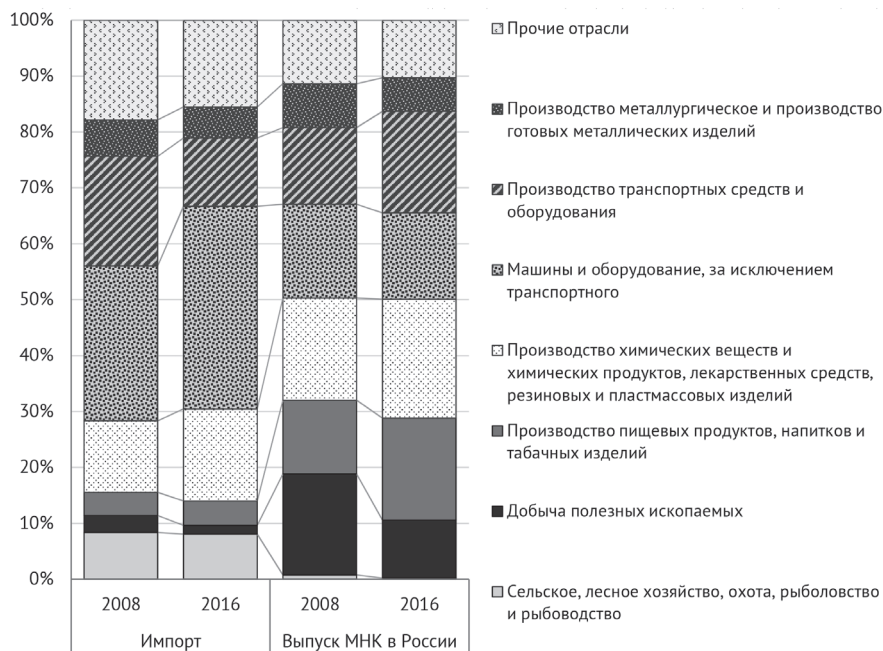

Рис. 9. Отраслевая структура выпуска МНК и структура импорта в торгуемых секторах, 2008 и 2016 гг.

Источник: расчеты авторов, данные OECDAMNE, COMTRADE.

период также определялись якорными иностранными инвесторами (автомобилестроение – Hyundai, Ford, Toyota, железнодорожное машиностроение – Siemens) (рис. 9).

Отметим две отрасли с наибольшим расхождением в долях в валовом импорте и в валовом выпуске МНК – это пищевая промышленность и производство машин и оборудования. Доля пищевой промышленности в валовом импорте составила 4,4%, при этом вклад МНК в отрасли в валовый выпуск МНК в 2016 г. составил 18,2%. Это может служить примером ориентации многонациональных компаний на внутренний российский рынок и замещением реального импорта производством иностранных компаний на территории страны. Растущий внутренний рынок России в 2000-х годах и потенциал экспорта в соседние страны привлекли на территорию страны крупнейших производителей пищевой промышленности – PepsiCo, Nestle, Mars, Coca-Cola, Danone, Unilever и многих других.

В страновом разрезе крупнейшим игроком на российском рынке остается США (22% совокупного выпуска иностранными МНК в России): наибольший вклад в объемы выпуска американских МНК в производство химических веществ и химических продуктов, лекарственных средств, в оптовую и розничную торговлю, добычу полезных ископаемых. Вторая страна-лидер

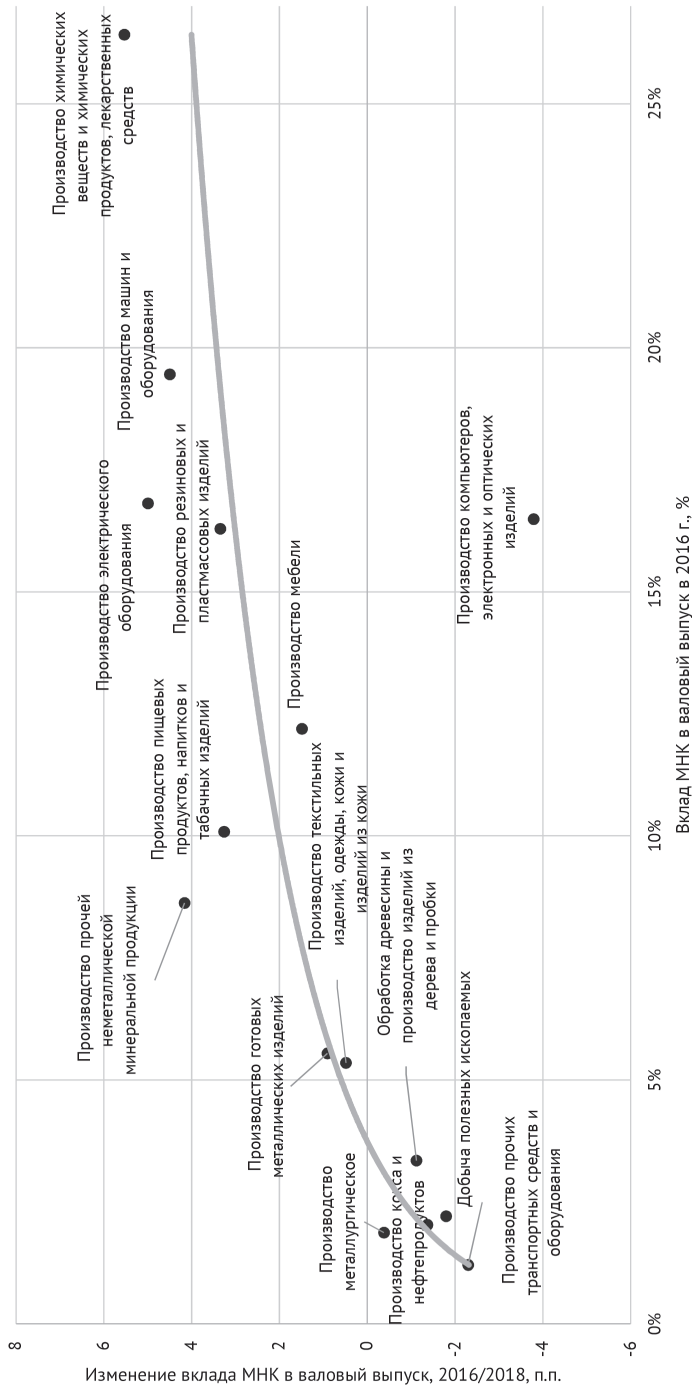

Рис. 10. Вклад МНК в валовой выпуск отраслей в России в 2016 г. (%) и его изменение относительно 2008 г. (п.п.)

Источник: расчеты авторов, данные OECDAMNE.

по объемам выпуска – Германия: немецкие компании производят 17% совокупного выпуска иностранных МНК в России. Отраслевая структура немецких МНК: оптовая и розничная торговля, производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов, производство химических веществ и химических продуктов, лекарственных средств. Также в тройке лидеров находится Франция (11% совокупного выпуска иностранных МНК в России). Французские МНК на территории России осуществляют свою деятельность в таких отраслях, как оптовая и розничная торговля, производство химических веществ и химических продуктов, лекарственных средств, производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов. Китай, по объемам выпуска МНК, занимает шестую позицию – 4% общего объема выпуска иностранных МНК на территории России. Китайские корпорации в России осуществляют деятельность в основном в сфере услуг: такие отрасли, как профессиональная, научная и техническая деятельность, а также транспортировка и хранение.

В производстве машин и оборудования на территории России осуществляют деятельность не так много иностранных производителей, их вклад в валовый выпуск МНК в стране – 15,5%, доля отрасли в валовом импорте – 36,3%. С одной стороны, выявленное различие можно объяснить тем, что производства машин и оборудования, как правило, интенсивно участвуют в глобальных цепочках добавленной стоимости, что может определять высокую долю импорта полуфабрикатов и компонентов, используемую в национальных производствах. С другой стороны, известно, что для России характерна высокая доля импорта готовых машин и оборудования в импорте отрасли. Поэтому отрасль может служить примером того, когда экономика не так конкурентоспособна для размещения иностранных производств и существенная доля продукции отрасли импортируется в виде готовой продукции.

Как было отмечено выше, совокупная отрицательная динамика выпуска МНК в обрабатывающем секторе была обеспечена уходом МНК из отрасли добычи полезных ископаемых и производства кокса и нефтепродуктов. При этом *в целом за 2008–2016 гг. наблюдается некоторое увеличение вклада МНК в валовый выпуск в отраслях с относительной концентрацией МНК в России.* В первую очередь это автомобилестроение, а также химическая промышленность, производство резиновых и пластмассовых изделий, машины и оборудование, включая электрооборудование (рис. 10).

Рост вклада МНК в большинстве отраслей российской экономики в 2008–2016 гг. сопровождалось сокращением удельной добавленной стоимости, производимой МНК. Исключение составляет производство прочих транспортных средств и оборудования (рис. 11).

На первый взгляд, сокращение удельной добавленной стоимости МНК в российской экономике можно интерпретировать как негативный сигнал. Однако в действительности это не так. В результате наращивания локализации производства многонациональные компании увеличивали вклад в валовый выпуск отрасли, однако именно с локализацией следует связывать некоторое

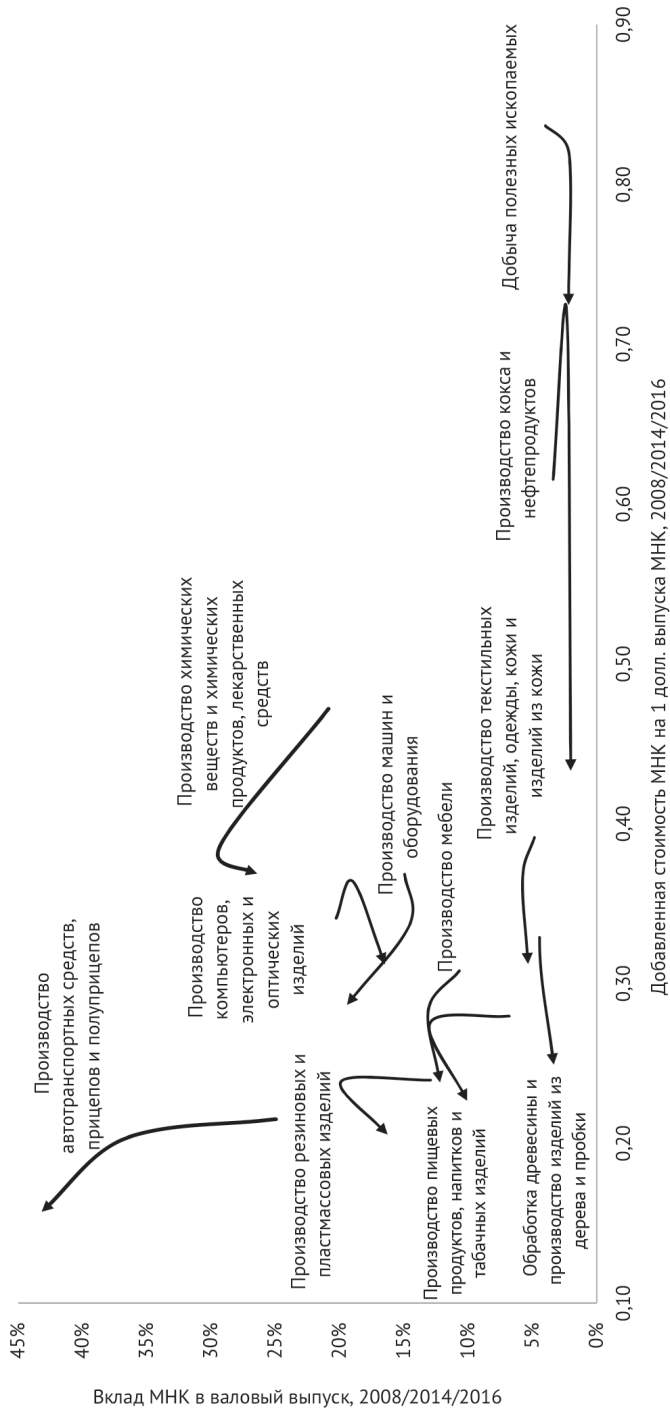

Рис. 11. Вклад в валовой выпуск и удельная добавленная стоимость МНК в российской экономике, 2008–2016 гг.

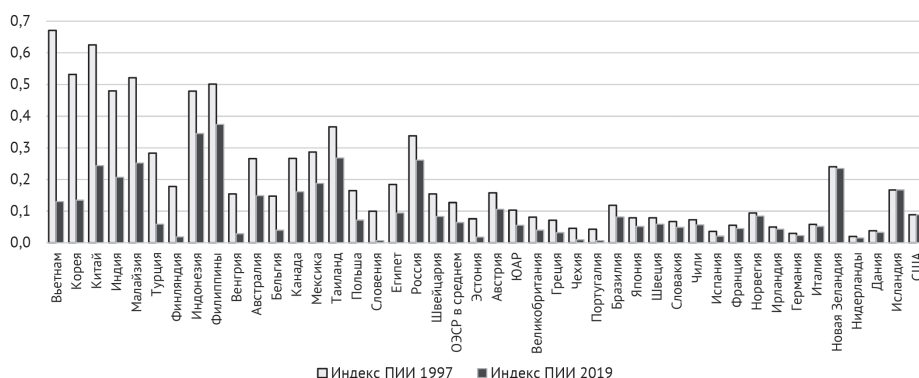
Источник: расчеты авторов, данные OECDAMNE.

сокращение удельной добавленной стоимости. Это в наибольшей степени характерно для автомобилестроения и химической промышленности.

6.4.3. Регулирование иностранных компаний в России: взгляд со стороны государства и бизнеса

По итогам 2019 г. Россия находится на 7-ом месте из 85 экономик в мире по жесткости регулирования ПИИ в соответствии с индексом FDI Restrictiveness Index. Более жестко регулируются ПИИ только в Ливии, Алжире, Палестине, Филиппинах, Индонезии, Таиланде. Хотя России и удалось продвинуться в сторону смягчения регулирования иностранных инвестиций (в рейтинге 1997 г. Россия была на 9-ом месте при значимо меньшем числе обследованных стран), ряд быстроразвивающихся экономик обогнали Россию по скорости либерализации. Так, Вьетнам, Корея, Китай, Индия и Малайзия имели более жесткие, чем Россия, ограничения для ПИИ в 1997 г., но догнали и перегнали Россию по либерализации уже к концу 2000-х годов (рис. 12).

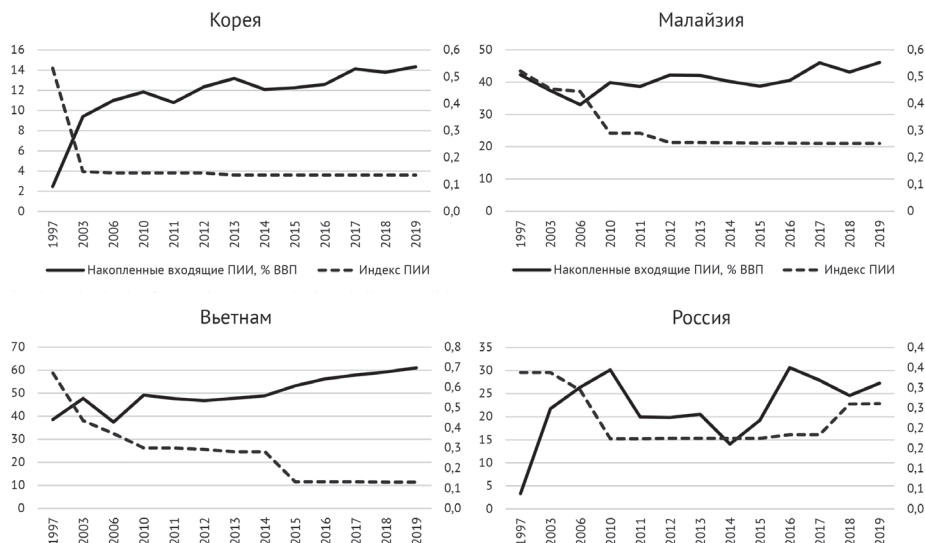
Либерализация регулирования входящих ПИИ напрямую связана с успехами стран по накоплению ПИИ в рассматриваемом периоде (рис. 13). Наибольший прогресс Кореи относится к периоду начала 1990-х годов, поэтому менее ярко выражен в рассматриваемый период 1997–2018 гг. Наиболее заметен успех Малайзии и Вьетнама: индекс жесткости регулирования ПИИ в Малайзии сократился вдвое, Вьетнам был страной с наиболее высокими барьерами для ПИИ в 1997 г. из всех рассмотренных экономик, но поднялся на 24 позиции к 2018 г. Заморозка улучшений регулирования ПИИ в России

Примечание. 0 – нет ограничений, 1 – максимальные ограничения. Страны упорядочены по прогрессу в либерализации в 1997–2019 гг. Индекс учитывает 4 типа ограничений на ПИИ: ограничения на долю владения, скрининг, ограничения для ключевых сотрудников (СЕО), прочие ограничения (репатриация капитала, владение землей и пр.). Каждому ограничению присваивается вес на основе оценивания, агрегированный индекс для страны – средневзвешенное отраслевых индексов.

Рис. 12. Индекс жесткости регулирования ПИИ по странам, 1997 и 2019 гг.

Источник: анализ авторов, данные OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index.

Примечание. Индекс учитывает 4 типа ограничений на ПИИ: ограничения на долю владения, скрининг, ограничения для ключевых сотрудников (СЕО), прочие ограничения (репатриация капитала, владение землей и пр.). Каждому ограничению присваивается вес на основе оценивания, агрегированный индекс для страны – средневзвешенное отраслевых индексов.

Рис. 13. Накопленный объем входящих ПИИ, % ВВП (левая ось) и индекс жесткости регулирования ПИИ (правая ось) в выбранных странах, 1997–2019 гг.

Источник: анализ авторов, данные OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index.

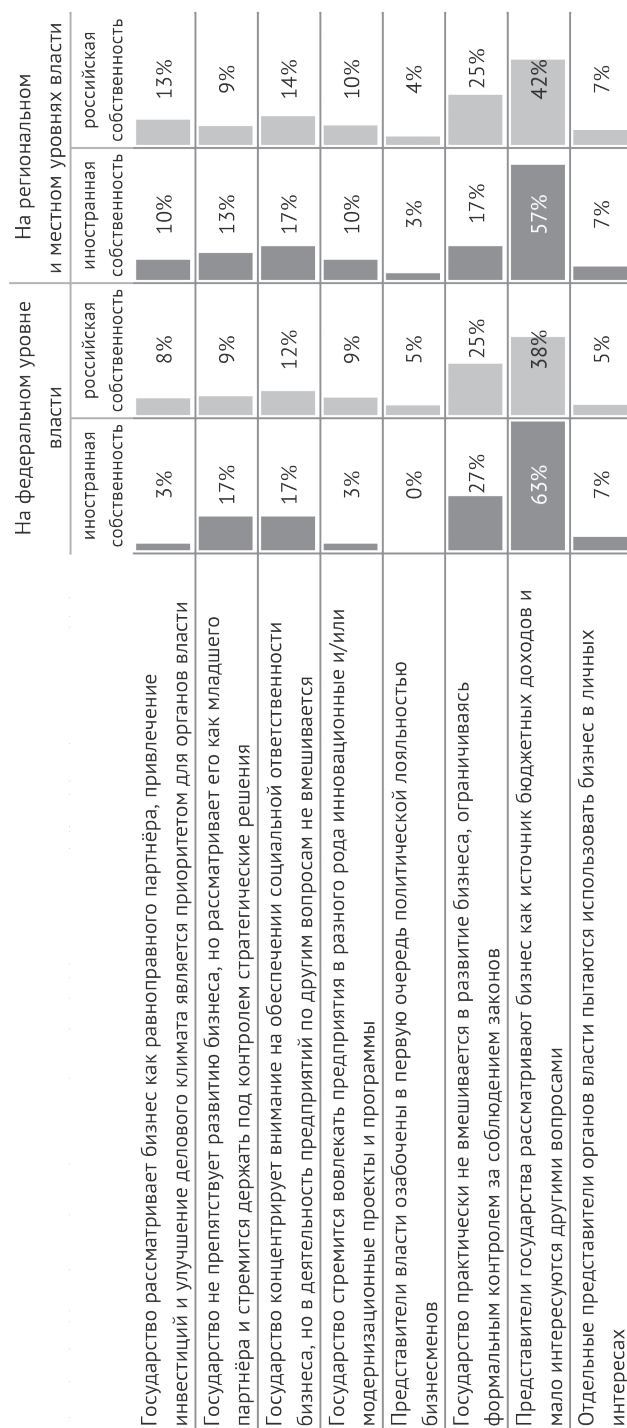
с 2010 по 2017 гг., вероятнее всего, является одной из важных составляющих, определивших отсутствие позитивных сдвигов в накоплении ПИИ в 2010-х годах¹.

В ряде исследований отмечается, что в условиях общей значимости институциональных факторов для привлекательности страны для ПИИ, одни институциональные факторы являются более значимыми, чем другие². Традиционно принято обсуждать значимость таких институтов, как уровень налоговой нагрузки, коррупция, неопределенность, связанная с бюрократией и политической нестабильностью³. Однако представляется, что в условиях, в которых оказалась Россия в период 2010-х годов (низкие темпы экономического

1 Стало ли это ключевым фактором, определившим отсутствие накопления ПИИ в Россию после 2010 г, сказать сложно. Как представляется, не менее важным фактором является резкое снижение темпов экономического роста российской экономики по сравнению с периодом 2000-х годов, а также охлаждение отношений России со странами Запада с 2014 г. и введения режима взаимных санкций.

2 Daude C., & Stein E. The quality of institutions and foreign direct investment // Economics & Politics, 19(3), 2007. P. 317–344.

3 Mauro P. Corruption and growth // Quarterly Journal of Economics 110, 681–712. 1995; Wei S. Why is corruption so much more taxing than tax? // Arbitrarinesskills. NBER Working Paper 6255. 1997; Wei S.J. How taxing is corruption on international investors? // Review of economics and statistics, 82(1), 1–11. 2000.

Примечание. Выборка включает предприятия отраслей обрабатывающей промышленности, N=342.

Рис. 14. Распределение компаний обрабатывающих отраслей с иностранной и русской собственностью по типу отношения с государством на федеральном, региональном и местном уровнях власти

Источник: расчеты авторов, данные проекта НИУ ВШЭ «Факторы и препятствия повышения производительности труда в российских предприятиях базовых несырьевых отраслей», 2019.

		Иностранная собственность	Российская собствен- ность	
Инновации, технологии, оборудо-вание	Финансовая поддержка НИОКР	27%	17%	ME= 0,138*
	Финансовая поддержка проектов, направленных на обновление парка машин и оборудования	27%	46%	ME= -0,262**
	Облегчение доступа к зарубежным технологиям и/или оборудованию	13%	10%	
	Стимулирование внедрения предприятиями современных цифровых технологий	13%	18%	
	Формирование общедоступного реестра готовых технологий	7%	14%	
Обучение	финансовая поддержка обучения, переобучения и/или повышения квалификации сотрудников	47%	40%	
	Повышение доступности услуг по обучению, переобучению и/или ПК	17%	18%	
	Создание механизма, ограничивающего сотрудника сменить место работы после обучения	7%	12%	
Налоги	Введение налоговых стимулов для внедрения новых технологий и/или оборудования	50%	35%	
	внедрение налоговых стимулов для обучения, переобучения и/или ПК	40%	17%	ME= 0,160*
	Общее снижение налоговой нагрузки на предприятие	67%	65%	
Кредиты	Снижение процентных ставок по кредитам	60%	56%	
	Повышение доступности долгосрочного кредитования	37%	30%	
	Смягчение требований к предоставлению обеспечения по кредитам	37%	25%	
Инжиниринг, консультиро-вание	Повышение доступности инжиниринговых услуг, развитие соответствующего рынка	23%	12%	
	Повышение доступности консультационных услуг	17%	13%	
	Информационно-консультационная поддержка	13%	16%	
Обмен опытом	Формирование общедоступной базы данных передового опыта, лучших практик и решений	23%	24%	
	Развитие коммуникации между предприятиями для обмена опытом и поиска лучших решений	20%	18%	
Адм. барьеры	Устранение ограничений, препятствующих сокращению избыточного персонала	13%	11%	
	Снижение административных барьеров на федеральном уровне	23%	9%	ME= 0,173**
	Снижение административных барьеров на региональном или местном уровне	17%	9%	
НИЧЕГО	Мы НЕ НУЖДАЕМСЯ в государственной поддержке повышения производительности труда	10%	7%	

Примечание. ME – предельный эффект по результатам пробит регрессии, выборка включает предприятия отраслей обрабатывающей промышленности, N=342.

Рис. 15. Запросы компаний с иностранной и российской собственностью на поддержку со стороны государства

Источник: расчеты авторов, данные проекта НИУ ВШЭ «Факторы и препятствия повышения производительности труда в российских предприятиях базовых несырьевых отраслей», 2019.

роста, отсутствие прогресса в либерализации регулирования ПИИ, усложнение внешнеполитических связей с Западом с 2014 г.), еще большую значимость приобрел фактор, связанный с характером отношений бизнеса и государства¹. Если в 1990-х годах существовало два полярных типа взаимодействия государства и бизнеса – дистанцирование от государства, с одной стороны, и, напротив, тесное взаимодействие с государством, с другой стороны, то период 2000-х годов вывел эти взаимоотношения на иной уровень, когда отношения приобрели большую степень открытости, повысилась роль бизнес-объединений как медиатора отношений бизнеса и государства.

На первый взгляд, характер взаимодействия иностранных и российских компаний с государством на федеральном, региональном и местном уровнях власти несущественно различается (рис. 14). По результатам исследования «Факторы и препятствия повышения производительности труда в российских предприятиях базовых несырьевых отраслей», выполненного в НИИ ВШЭ в 2019 г., среди предприятия отраслей обрабатывающей промышленности как для иностранных, так и для российских компаний первой по частоте ответов моделью является та, в которой представители государства рассматривают бизнес как источник бюджетных доходов и мало интересуются другими вопросами. Второй по частоте ответов моделью для иностранных и российских компаний является та, в которой государство практически не вмешивается в развитие бизнеса, ограничиваясь формальным контролем над соблюдением законов.

Однако результаты эконометрического моделирования² показывают, что единственное статистически значимое различие в долях российских и иностранных компаний, находящихся в тех или иных отношениях с государством, справедливо только для варианта, когда государство рассматривает бизнес лишь в качестве источника бюджетных доходов: такой вариант на 20,5% чаще отмечали иностранные компании по сравнению с российскими.

Как представляется, результаты, говорящие о «безразличии» государства к иностранным инвестициям и взгляде на них только как на источник налогов, дополнительно позволяют определить инертность деятельности иностранных компаний на российской территории в 2010-х годах. В соответствии с предыдущими результатами, из всех институтов именно предсказуемая политика в отношении ПИИ являлась главным привлекательным институциональным фактором, в то время как взгляд государства на иностранный бизнес как на «дойную корову» не способствовал формированию благоприятной для ПИИ среды.

1 Это, в частности, соответствует результатам, полученным в работе Shukurov S. «Determinants of FDI in transition economies: The case of CIS countries» (Journal of International and Global Economic Studies, 9(1), 75–94. 2016), где отмечается, что размер рынка и доступ к полезным ископаемым были ключевыми детерминантами прихода ПИИ в страны СНГ в период 1995–2010 гг. в то время как негативная макросреда (инфляция и высокое налогообложение) снижали их привлекательность.

2 Оценивание с использованием пробит регрессии, где зависимая переменная – модель отношений, объясняющие переменные – форма собственности предприятия, категориальные переменные для возраста и размера фирмы, дамми переменные для отраслевой и региональной принадлежности фирмы.

Существенно больше различий между иностранными и российскими компаниями в обрабатывающих отраслях России в том, какой запрос на функции государства они предъявляют (рис. 15).

Результаты эконометрического моделирования¹ показывают, что компании с ПИИ, при прочих равных, предъявляют на 26,2% меньший запрос на финансирование обновления парка машин и оборудования по сравнению с российскими компаниями, однако предъявляют больший запрос на поддержку НИОКР (на 13,8%), налоговые стимулы на повышение квалификации сотрудников (на 16%) и снижение административных барьеров на федеральном уровне (на 17,3%). Такие результаты в очередной раз подчеркивают более высокую инновационную ориентированность компаний с иностранной собственностью и их более высокий запрос на человеческий капитал по сравнению с российскими компаниями.

6.4.4. Ожидаемые траектории изменений в государственном регулировании прямых иностранных инвестиций в России

Складывается впечатление, что если в стране есть емкий и растущий внутренний рынок и/или природные ресурсы (как было в России в 2000-х годах), иностранные инвесторы придут сами и будут в меньшей степени ориентироваться на улучшения в регулировании ПИИ, чем в любом ином случае. Однако если привлекательные рыночные факторы теряют свою силу (как в России в 2010-х годах), при этом не происходит смягчения регулирования ПИИ, иностранные инвесторы будут менее заинтересованы во входе в страну. Повышается роль взаимоотношений бизнеса с государством и льгот и стимулов, которые государство может предложить иностранным инвесторам. Это приобретает особый смысл с учетом негативных эффектов на инвестиционную привлекательность российской экономики после «украинского кризиса» и последующей череды санкций и антисанкций, что сказалось не только на привлекательности самих секторов, попавших под санкции, но также и на инвестиционной привлекательности российской экономики в целом.

Опыт привлечения ПИИ и МНК в Россию в 2000-х годах показывает, что они могут выступать источниками новых технологий, компетенций и передовых практик для принимающих экономик. Примеры трансформации за прошедшие 20 лет таких отраслей российской экономики, как деревообрабатывающая, пищевая и химическая промышленность, в целом свидетельствуют о позитивном влиянии иностранных инвестиций², при этом государство действовало технократично и в большей степени поддерживало инициативы бизнеса³.

1 Оценивание с использованием пробит регрессии, где зависимая переменная – запрос компании на функцию со стороны государства, объясняющие переменные – форма собственности предприятия, категориальные переменные для возраста и размера фирмы, дамми переменные для отраслевой и региональной принадлежности фирмы.

2 Позитивное влияние иностранных инвестиций проявилось в повышении уровня переработки, выпуске новой линейки продуктов, внедрении современных технологий, расширении географии экспорта.

3 Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г., Данильцев А.В., Глазатова М.К., Аверьянова Ю.В. Россия в глобальном производстве // XXI Апрельская международная научная конференция по

Однако все примеры 2000-х годов были связаны больше с ликвидацией технологического отставания и догоняющим развитием. Иностранные инвестиции – важный канал получения современных технологий, но применительно к отраслям, близким к технологической границе, иностранные инвестиции характеризуются более ограниченными возможностями. Тем не менее, потенциал положительного влияния зарубежного капитала на российскую экономику еще далеко не исчерпан. В частности, это соответствует специфике запроса компаний с иностранными инвестициями на поддержку со стороны государства. Интересы МНК в российской экономике сегодня не соответствуют их модели взаимодействия с государством. МНК заинтересованы в наращивании нематериальных активов – инвестировании в НИОКР, обучение сотрудников.

Государственное стимулирование прихода в Россию международных компаний должно быть ориентировано, прежде всего, на мировых технологических лидеров, чему может в немалой степени способствовать развитие технологического регулирования. Для расширения положительных эффектов от деятельности МНК в российской экономике необходимо также выстраивание регулирования, которое будет снижать риски оппортунистического (рентоориентированного) поведения МНК через систему формальных и неформальных институтов.

Поскольку инвестиционная активность бизнеса в России сохраняется на низком уровне, а в инновационной сфере наблюдается явная стагнация, попытка компенсировать российскими инвестициями недостаток ПИИ и выстроить собственные цепочки вне связи с научно-технологическим прогрессом не может полноценно воспроизвести такие преимущества от присутствия иностранных инвесторов, как доступ к передовым технологиям, более гибкие условия для включения в глобальные цепочки создания стоимости, возможности для обучения. В связи с этим необходимы дополнительные меры и новые формы привлечения иностранных инвесторов, как в формирующиеся перспективные сектора российской экономики, так и в технологически отсталые отрасли, причем с направленностью не только на внутренний рынок, но и на экспорт. Таким образом, в российской политике по привлечению ПИИ и регулированию деятельности МНК необходим переход:

- от отдельных политик по стимулированию иностранных и российских инвестиций к единой недискриминирующей политике, не предполагающей выбора между российскими и иностранными компаниями;
- от политики по регулированию отдельных сфер деятельности МНК в России к формированию стратегических приоритетных секторов с особыми условиями для входа иностранных инвесторов (торговые коридоры, расширение региональной интеграции, цифровизация производств, выращивание цифровых навыков, НИОКР), стимулирование

проблемам развития экономики и общества. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. С. 1–147; Федюнина А.А., Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Аверьянова Ю.В. Секторальные особенности интеграции российской экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости и следствия для структурной политики. Журнал новой экономической ассоциации, 2020, 47 (3). С. 106–127.

стратегически ориентированных иностранных инвестиций (против ПИИ, ориентированных на рост рынка и природные ресурсы) в условиях нарастающей борьбы между странами за ПИИ;

- от поддержки приоритетных проектов МНК большого масштаба в обрабатывающих отраслях к поддержке средних по размеру проектов распределенного производства, в том числе либерализация входа ПИИ в динамично растущие отрасли, отрасли с коротким циклом;
- от политики привлечения капитальных активов МНК к политике привлечения нематериальных активов – платформ, НИОКР, сектора услуг, сопровождающего деятельность МНК.

6.5. Реформа контрольно-надзорной деятельности в 2020 г.¹

В различных видах контроля и надзора до настоящего времени наблюдались системные проблемы, связанные с противоречиями обязательных требований (преимущественно между разными видами контроля и надзора), с дополнительной нагрузкой на субъект и объекты контроля, связанные с необходимостью реализации плановых проверок при отсутствии объективных свидетельств о вероятности нарушений и/или высокого ущерба, а также с непрозрачностью процесса проверок вследствие неоднозначности интерпретации содержания обязательных требований или субъективности процедуры их проверки. В результате как субъект контроля, так и подконтрольные объекты несли существенные финансовые и временные издержки, связанные с проведением проверочных мероприятий и подготовкой к ним. На решение этих проблем направлена реформа контрольно-надзорной деятельности, запущенная в 2019 г. в рамках осуществления Плана мероприятий («дорожной карты») по реализации механизма «регуляторной гильотины» (утвержден Правительством РФ 29.05.2019, № 4714п-П36; далее – «Дорожная карта» по реализации механизма «регуляторной гильотины»).

2020 г. стал знаковым в рамках реформы контрольно-надзорной деятельности и реализации механизма «регуляторной гильотины». 31 июля 2020 г. Президент Российской Федерации подписал два ключевых закона:

- Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – Закон об обязательных требованиях). Данный закон вступил в силу 1 ноября 2020 г., за исключением отдельных положений, которые вступят в силу с 1 февраля и 1 марта 2021 г.;
- Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон о государственном контроле (надзоре)). Данный закон вступит в силу с 1 июля 2021 г., а его отдельные положения – с 1 января 2022 г. и 1 января 2023 г.

1 Авторы раздела: Пономарева Е.А., канд. экон. наук, заведующий лабораторией социально-экономических проблем регулирования ИКНД РАНХиГС; Дергачёв А.А., мл. науч. сотр. лаборатории социально-экономических проблем регулирования ИКНД РАНХиГС.